

БЕССЕРДЕЧНОЕ ЖЕЛАНИЕ

В канун дня рождения Анук пахло корицей. Точнее, коричневыми булочками-улитками. Этот запах для почти тринадцатилетней девочки был накрепко связан с атмосферой особенного дня — так же, как свечи, пирог и подарки. Почему-то именно в этом году сердце стучало сильнее обычного. Анук вроде бы уже не ребёнок, а чувствовала себя в этот благоухающий корицей день так, будто ей всего пять. Она знала заранее, какие подарки получит завтра (новенький смартфон и наушники), а всё-таки хотелось тайны, загадки, как если бы ей было неведомо, что там такое завтра будет лежать в её нарядных пакетах. Она уже как наяву слышала шуршание подарочной бумаги, вот она уже разрывает упаковку, а мама просит поберечь бумагу, её ведь можно использовать снова...

День в школе прошёл своим чередом, и даже математика пятым и шестым уроками не могла испортить радостного предвкушения праздника. Всё было просто превосходно. Апрель, солнце, синее небо — такое яркое, что глазам больно. В воздухе — весна, и настроение у Анук было такое же тёплое и радужное.

Подходя к дому, она думала о том, какое же заветное желание загадать в день рождения.

Заветное желание было даже важнее коричневого аромата. Анук каждый год в день рождения загадывала его. Это было самое тайное и искреннее, сокровенное желание, которое ни в какой пакетик не завернёшь, никакой ленточкой не завяжешь. С тех пор как Анук научилась писать, она записывала то, что загадала. Иные желания казались ей самой глупенькими, и она, конечно, никому никогда о них не рассказывала, даже маме с папой. Но без заветного желания день рождения — не праздник. Анук верила в волшебную силу этих желаний: они обязательно когда-нибудь да сбывались. Поэтому их надо загадывать по-настоящему, продуманно и от всего сердца. Тогда точно сбудутся. Пока ужасно хотелось пони, но ещё есть время перезагадать. В прошлом году они ведь действительно полетели все вместе — Анук и родители — в отпуск. После бесконечных поездок по побережью Северного моря Анук мечтала, наконец, куда-нибудь полететь. Года два это и было её заветным желанием — увидеть облака сверху. И вот они полетели в Америку.

Сбылось не только это. Дом с садом, винтовой лестницей и дорожкой, обсаженной кустами шиповника, Анук загадала ещё в восемь лет и нацарапала кривеньким детским почерком совершенно осознанно. Что бы такое загадать на этот раз?

Она открыла входную дверь и принюхалась. В доме витал аромат корвапуусти — финских коричневых булочек-улиток! Анук знала рецепт наизусть, как и её мама. Шум на кухне как раз говорил о том, что мама пекла коричневые улитки. И тут... дом с винтовой лестницей и большим садом наполнил детский крик. Радостное предвкушение Анук треснуло, как зеркало, упавшее на пол. Девочка поглядела наверх, на второй этаж.

Послышались шаги. Папа, который сегодня работал дома, уже спешил из кабинета.

— Я к ней поднимусь! — крикнул он. А затем взглянул вниз и увидел Анук: — О, привет, почтиименинница! — запыхавшись, произнёс он и помчался в спальню. — Майя проснулась!

Анук прошла в прихожую, закрыла за собой дверь и поставила школьный ранец под вешалкой. Майя. Младшая сестра. Уже шесть месяцев Анук делила с ней дом, время и внимание родителей. Из-за Майи пока нет смысла загадывать никаких новых путешествий на самолёте: стоило только посмотреть на папин весьма похудевший банковский счёт. Из-за Майи совершенно изменилась вся жизнь их семьи, некогда маленькой и тихой, а теперь вот...

Ну, есть, конечно, один плюс: мама всё время дома. И будет дома ещё по крайней мере год. Да и Майя... она миленькая... Чаше всего. И этого не отнимешь. И пахнет почти так же сладко, как коричневые

булочки. И на руках её таскать... здорово. Вот только почти всё то время, что родители и родня прежде проводили с Анук, теперь вдруг стали уделять Майе. Всем надо непременно эту Майю увидеть. Каждый ей что-нибудь должен принести. Все радуются, что бы Майя ни сделала. Все млеют от её гуления, как будто никогда не видали улыбки. Анук это страшно раздражало. Тогда она пугалась самой себя. А иногда (очень редко) Анук мечтала (вот как раз сейчас), как бы было здорово, если бы она опять могла остаться с родителями одна. Хотя бы на один день. Как раньше.

Анук тут же отогнала эту мысль и отправилась на кухню, где мама как раз растапливала шоколад для любимого пирога старшей дочери. Анук уселась на стул и, умело балансируя на задних ножках, рассказала, как прошёл её день. А стоило матери отвернуться, тайком съела улитку с корицей. Потом поужинали всей семьёй (Анук подумала, что ужин мог бы быть и пороскошней). И стали ждать.

Вечер тянулся бесконечно. Анук родилась ровно в ноль часов и одну минуту. Было бы здорово родиться в немного более удобное время. Или наоборот, в совсем неудачный час — и тогда праздник начинался бы уже заранее и к положенному времени был в разгаре. А в случае Анук главное было — не уснуть. Она уже около часа лежала у себя в кровати и, видимо, успела задремать, когда услышала тихие голоса родителей.

— Давай её укроем. День рождения отметим утром, — произнесла мама.

На Анук навалилась свинцовая усталость, ей совсем не хотелось просыпаться. Но она решила не поддаваться, слова «день рождения» действовали как стакан лимонада с сахаром, да что там — как целых два.

— Я не сплю, — сказала она, но зевнула и сама над собой засмеялась.

Папа поставил на пол поднос с шоколадным пирогом. На нём горели тринадцать свечей. А рядом папа положил маленький свёрток. Остальные подарки будут с утра, да ещё и родственники принесут. Но этот свёрток Анук могла распаковать уже сейчас. Это тоже была традиция. Как и коричные булочки-улитки.

— Ещё пятнадцать секунд, — напомнила мама, взглянув на наручные часы.

«Господи, — подумала Анук, — наручные часы, кто сегодня ещё их носит?»

— Десять, — считала мама, не отрываясь от циферблата.

Анук вздохнула. Свечки мерцали. Пирог благоухал. Что ещё надо для счастья? Ну, хорошо, разве что вот этот свёрточек в подарочной упаковке.

— Ещё пять секунд, — объявила мама.

Родители стали считать оставшиеся секунды, как перед стартом ракеты:

— Три! Два!

Сердце Анук стучало в такт.

— Один!

Детский крик.

Майя.

Мама вздохнула и виновато улыбнулась:

— С днём рождения! — Она крепко поцеловала Анук в лоб и побежала в спальню.

— Твоя сестра тоже тебя поздравляет, — безуспешно попытался пошутить папа.

Анук молча кивнула и вздохнула. Почему Майя решила заорать именно сейчас? Родители и так всё время скачут вокруг неё, но сейчас-то — время Анук! Как раньше. Как же это бесит! Всё только для этой Майи! Но сегодня не её день рождения! Неужели надо всё испортить? Это несправедливо!

— С днём рождения! — продолжал папа. — Вот, это тебе!

Анук опять вздохнула и стала развязывать ленту на свёртке.

Папа засмеялся: он знал, о чём Анук сейчас подумала.

— Не рви бумагу, она ещё может пригодиться!

Обычно это говорила мама.

Анук криво улыбнулась. Что же ей подарили? Книжку? С пёстрой обложкой, яркой, изящно украшенной. Анук полистала. Страницы были пусты.

— Для особенных мыслей и возвышенных фраз, — объяснил отец.

Дневник, записная книжка для собственных мыслей. Неплохо! Эти страницы прямо-таки ждали, чтобы на них что-нибудь написали. Для Анук это пара пустяков. Не считая чтения, её любимое занятие — писать истории. Выдумывать и записывать сказки. Иногда эти сказки умещались в одну фразу или заканчивались, не успев начаться. Но обычно Анук доводила свои истории до конца (правда, конечно, никому никогда не показывала). Анук записывала все свои идеи. На чём угодно: на клейких стикерах, на почтовых конвертах, на кассовых чеках — неважно. И хранила их в обувной коробке. Но такая книжечка — лучше. Куда лучше.

— Спасибо, — поблагодарила Анук, стараясь не зевнуть.

Снова накатила усталость. Очень быстро. Папа отрезал два куска пирога и один протянул имениннице. Анук засыпала на ходу и с трудом могла жевать. Мама безуспешно пыталась успокоить Майю.

— Ну, тогда доброй ночи, спи сладко до утра, — пожелал папа, когда оба доели свои куски, — завтра у тебя насыщенный день, подросток ты наш.

Подросток. Кто только употребляет это слово? Только те, кто ещё носит наручные часы.

— Ну вот, теперь я ещё и подросток, — объявила Анук и задула свечки.

Папа ушёл, Анук почистила зубы, Майя утихла. Именинница лежала в кровати и слушала своё серд-

це. Так что же загадать? Чего ей хочется больше всего? Что не завернуть ни в какую подарочную бумагу? И тут она совершенно чётко увидела, что ей больше всего нужно, чего она больше всего ждёт.

— Мои родители, — шепнула Анук и сама устыдилась своих мыслей, но тут же снова разозлилась на Майю и уже громче и увереннее повторила: — Хочу назад моих родителей!

Снаружи гроыхнуло. Странно. За весь день на небе — ни облачка. И дождя вроде нет. Только раскат грома.

А теперь — заветное желание.

Анук села за стол и раскрыла свой новый дневник. Карандашом вывела своё желание, ясное и чёткое, как раскат грома, прямо на первой странице:

Желаю, чтобы родители принадлежали только мне одной, а не Майе!

Тишина. А потом снова так гроыхнуло, будто мир раскололся на две половинки.

Анук вздрогнула. Пока она писала желание, она злилась на Майю. Но как только поставила точку, ярость утихла, как гаснет огонь, и ничего от неё не осталось. Кроме угрызений совести. Нет, дурное желание. Страшное желание, пусть и искреннее. Бессердечное, хоть и от сердца. Она быстро стёрла слова ластиком и снова улеглась в кровать. Она придумает новое заветное желание. Потом.

ИГРА АНУК

Странно, думала Анук, засыпая под уютным одеялом, гром больше не гремит. Кончился. Тишина, как будто мир застыл в ожидании. Девочка погружалась в сон.

А между тем в доме с винтовой лестницей и большим садом уже действовало её желание, набирало чудовищную силу. Бессердечное, хоть и загаданное от всего сердца.

Силу и власть, которые всё переменяют.

